

**Особенности употребления грамматических
средств в эвенкийском языке
в устных рассказах 2005–2011 гг. на примере
фокусных частиц¹**

***Distinctive features of the use of Evenki grammatical
devices, particularly focus particles***

Рудницкая Е.Л.

Rudnitskaya E.L.

В статье анализируются устные рассказы на эвенкийском языке 2005–2011 гг. Как и в сфере грамматических показателей глагола, в частности причастных форм глагола в независимом предложении, в употреблении фокусных частиц в устных рассказах наблюдаются следующие особенности: унификация и размытость функций, редукция множества частиц. Сфера употребления фокусных частиц (как и причастных форм) довольно широкая, так что эти частицы иногда дублируют уже существующие грамматические средства фокусирования. Эти изменения частично связаны с тем, что эвенкийский язык не используется

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ «Корпусные исследования синтаксических структур в устной и письменной речи носителей исчезающих языков (на материале селькупских, эвенкийских и кетских говоров Среднего Енисея и Среднего и Верхнего Таза)» № 14-06-00449, рук. О.А. Казакевич. Автор благодарит Н.К. Митрофанову и Е.Л. Клячко за основную работу по обработке и глоссированию используемых текстов, Е.Л. Клячко за предоставленную информацию о рассказчиках, участников конференции «Маргиналии–2015», особенно О.А. Казакевич и Е.Э. Разлогову, а также редакционную коллегию журнала «Родной язык» за полезные замечания.

в повседневной речи большинством рассказчиков, будучи вытеснен русским.

Ключевые слова: грамматическая категория, причастие, фокусная частица, актуальное членение, устный рассказ

The present paper is based on an analysis of Evenki oral stories told from 2005 to 2011. In these stories, several distinctive features can be seen in the use of focus particles, as well as in the grammatical marking of verbs, such as participles that function as matrix predicates. Changes include a tendency towards amalgamation and fuzziness in their grammatical functions, and a reduction of the set of particles used. The number of contexts in which the focus particles and participles are used is rather broad, so that these devices sometimes occur in the same contexts as already existing grammatical focus devices. These changes are partially caused by the fact that most storytellers no longer use Evenki in their everyday speech, having shifted to Russian.

Keywords: grammatical category, participle, focus particle, information structure, oral story

1. Введение

Об эвенкийском языке говорят не как о едином языке, а как о множестве диалектов [Василевич 1958; Мыреева 2004 и др.] С литературным эвенкийским языком (ЛЯ), созданным на основе непского, а затем полигусовского говора, нельзя идентифицировать остальные говоры (в наибольшей степени с ЛЯ объединяются говоры южного наречия (ЮН), а не северного наречия (СН)²). В словарях Г.М. Василевич и А.Н. Мыреевой есть пометы относительно употребления и значения каждого слова в разных диалектах.

Экспедиции О.А. Казакевич (см. [Казакевич 2010] и также сайт «Малые языки Сибири: наше культурное наследие»; режим

² В работе [Мамонтова 2013: 84–85] упоминается, что говоры СН сохранились не хуже, а даже лучше, чем говоры ЮН.

доступа: <http://minlang.srcc.msu.ru/> (02.08.2016)) проводились в различные эвенкийские села Эвенкийского муниципального района. Большинство этих сел относится к СН: Эконда, Чиринда, Кислокан, Хантайское Озеро, Тутончаны, Тура. Только несколько сел (Ванавара, Полигус, Стрелка, Суринда, Муторай) относятся к ЮН.

В грамматиках эвенкийского языка, например [Василевич 1940, 1948; Константинова 1964; Bulatova, Grenoble 1999; Nedjalkov 1997] и др., а также в исследованиях, посвящённых отдельным проблемам ([Колесникова 1966; Бродская 1988; Nedjalkov 1994; Болдырев 2007; Урманчиева 2012] и др.) рассматриваются базовые грамматические структуры устного и письменного эвенкийского языка. Однако в них не исследуются отдельно характеристики устной речи: арсенал используемых в ней средств, грамматические категории и синтаксические конструкции, отличающую устную речь от письменной. Исследования со сравнением корпусов устных и письменных текстов проводились на материале таких языков, как английский или русский [Chafe 1982; Кибрик А.А. 2009] (и также французского — Е.Э. Разлогова, личное сообщение), однако они почти не изучены на материале малых языков.

Размер корпуса отгlossированных эвенкийских рассказов небольшой (35000–40000 словоформ, около 25–30 рассказчиков), и мы не располагаем размеченным корпусом письменных текстов. Поэтому для сравнения приводим данные грамматик и других работ: например, в работах [Константинова 1964: 251–266; Колесникова 1966] употребление грамматических маркеров описано самым исчерпывающим образом, и материалом служат как устные, так и письменные (например, переводные) тексты. Нам кажется, что приводимые в этих работах данные можно использовать как свидетельство об употреблении того или иного грамматического показателя в письменных текстах. Как еще один эталон для

сравнения использовались данные грамматики [Василевич 1940], в которой описан эвенкийский язык начала XX в.

2. Подверженность изменениям в употреблении некоторых грамматических средств в устных рассказах

В статьях [Рудницкая 2015; Рудницкая 2016] проводились исследования причастных глагольных форм и аспектуальных показателей в корпусе устных рассказов. Причастие предшествования *PTCP.ANT -čV-* используется в независимом предложении при повествовании о цепи последовательных событий, ср. так наз. «clause-chaining»; это причастие и также причастие хабитуальности *PTCP.NAV -vkī- / -pkī-* употребляются вместо финитных форм при передаче фоновых событий или фактов, не относящихся к основной линии рассказа³. Причастные формы в таком употреблении встречаются преимущественно в тех селах, где эвенкийский язык сохранился достаточно хорошо (Полигус, Эконда, Чиринда и др.), а также в речи более пожилых носителей — пенсионеров, которые в момент записи рассказа активно не используют русский язык на работе. Остальные рассказчики, как правило, избегают использования причастной формы глагола в независимом предложении (села Тура (СН), Муторай (ЮН), Сым (ЮН), Белый Яр (ЮН) и др.).

Если же владеющие русским языком молодые рассказчики или другие носители⁴ используют данные формы, их грамматическое значение, как правило, до определенной степени искажается. Так, в селах СН Тутончаны и Кислокан,

³ См. типологически обоснованную трактовку употребления нефинитной формы в независимом предложении в работе [Калинина 2001: 195–196].

⁴ Участвующие в разговоре при записи рассказа друзья рассказчика или помощники лингвиста.

в селе ЮН Суринда и др. PTCP.ANT -čV- (предшествование) и особенно PTCP.HAV -vkī-/pkī- (хабитуальность) используются некоторыми рассказчиками довольно часто. Однако сфера употребления этих показателей расширяется. Так, эти формы используются в (1а-б) в причастии, которое образует общий вопрос, или в (2а-б) при повествовании о событиях, произошедших в прошедшем времени, неважно, последовательных или нет, повторяющихся или нет.

- (1) а. *Hutə-l=də* *tajga-dū* *baldi-sa-l?*
ребенок-PL=FOC тайга-DATLOC⁵ родиться-PTCP.ANT-PL
 [Рудницкая 2015]
 ‘Дети же в тайге родились?’ (2007, Эконда (СН), Комбагир Анна, 00:39:43.189 — реплика внучки Анны, Изольды (1969 г.р.))

- б. *nuɟartin* *həɾəkə-dū* *d’u-dū*
3PL отдельный-DATLOC дом.чум-DATLOC
bi-d’ə-wkī-l? [Рудницкая 2015]
быть-IPFV-PTCP.HAV-PL

‘Они [жених и невеста] в другом чуме находятся?’ (2008, Тутончаны, СН, Панкагир Прасковья, LR1, 00:10:10.870 — реплика ее подруги Хукочар Валентины (1936 г.р.))

- (2) а. *turuhanskə-duk* *tselyj* *aɟanī-wə*
Туруханск-ABL целый год-ACC
ətə-də-fkī *ɟəkəndə-lā.*
прийти-IPFV-PTCP.HAV Эконда-LOCALL

⁵ Список глосс составлен для корпусов текстов на трех языках — кетском, селькупском и эвенкийском. Поэтому используются отдельные нестандартные глоссы типа DATLOC ‘датовно-локативный падеж’, LOCALL ‘локативно-аллативный падеж’. Глоссируются и словоизменяемые, и словообразовательные морфемы. В целом список глосс основан на работе [Lehmann 2004] и на Лейпцигской системе глоссирования (см. <https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>, (09.08.2016)).

(Ну, в церкви там **молилась** [molī-da-ŋkī-n ‘молиться-IPFV-PTSTITER-3SG’] она.) ‘Из Туруханска целый год **возвращалась** в Эконду’ (**Рассказывала** [ulguson-də-s’o-n ‘рассказать-IPFV-PTST-3SG’] мать покойная...)

(2008, Кислокан (СН), Удыгир Валентина (1947 г.р.), LR1, 00:04:28.390)

б. *oro-r-wo* *kamnikās-ta*
 олень-PL-ACC бежать.за.зверем-SLIP
kamnikās-ča

бежать.за.зверем-PTCP.ANT

(Муж где-то ходит [bi-d’ə-rə-n ‘быть-IPFV-NFUT-3SG’]) ‘Оленей **собирает, собирает**’ (Я хлеб состряпала [ir-čə-w ‘жарить-PTST-1SG’], чтобы сегодня нам отправиться аргисить.) (2007, Суринда (ЮН), Коноренок Марта (1970 г.р.), LR3,00:00:09.576)

В примерах (1а-б) причастные формы PTCP.ANT и PTCP.NAV употребляются как главные глаголы в общем вопросе, не являясь его фокусом (фокусом являются обстоятельства места *tajga-dū* ‘в тайге’ и *hərakə-dū d’u-dū* ‘в другом чуме’). В то же время, в вопросе такие формы употребляются довольно редко⁶, а чаще всего для обозначения второстепенных или последовательных событий. PTCP.ANT/PTCP.NAV используются как просто выражающие отнесенность к прошедшему/настоящему. Исходя из употреблений типа (1а-б) противопоставление финитных форм прошедшего/настоящего времени, с одной стороны, и форм PTCP.ANT -čV- и PTCP.NAV -vkī-/pkī-, с другой, становится менее четким.

В примере (2а) форма PTCP.NAV *ətə-də-fkī*, которая переводится как ‘возвращалась’, обозначает единичное

⁶ Такое употребление не является уникальным с типологической точки зрения — ср. бурятские [Калинина 2001: 83] или аварские (Т.А. Майсак, личное сообщение) нефинитные формы в общем вопросе.

действие в прошлом (о чем говорит предшествующий и последующий контекст, см. перевод). В примере (2б) форма РТСР.АНТ *kamnikās-ča* употреблена так, что непонятно, сохраняется ли в ее значении значение прошедшего времени (ср., неточный перевод «собирает», в то время как все повествование относится к прошлому). Эта форма не интерпретируется как обозначающая событие, предшествующее какому-то другому в цепочке последовательных событий, — см. предшествующий и последующий контекст. Кроме того, как и финитная форма *bi-d'ə-rə-n* 'быть-IPFV-NFUT-3SG' в предшествующем примере, *kamnikās-ča* приобретает значение повторяющегося или продолженного действия, не свойственное РТСР.АНТ без таких аспектуальных показателей, как IPFV *-d'V-*. В (2а-б), по крайней мере частично, утрачиваются таксисные и аспектуальные признаки РТСР.АНТ *-čV-* /РТСР.НАВ *-vkī-/pkī-*.

Если у Хадончиной Надежды (2005, Полигус, ЮН) или Комбагир Анны (2007, Эконда, СН) РТСР.АНТ и РТСР.НАВ встречаются относительно редко, и в основной части повествования используются финитные формы прошедшего времени (PST *-čV-/čV̄-*, NFUT (небудущее) *-rV-/tV-/...* и PSTITER (прошедшее итеративное) *-ŋkī-*), то в некоторых рассказах — Удыгир Валентины (2008, Кислокан, СН), Елдыгир Лилии (2008, Тура, СН), Панкагир Прасковьи (2008, Тутончаны, СН) — формы РТСР.АНТ/РТСР.НАВ часто употребляются не для рассказа о предшествующих чему-то и/или второстепенных событиях, а как синонимичные финитным формам настоящего или прошедшего времени. Особенно это заметно в рассказе Панкагир Прасковьи (2008, Тутончаны, СН, LR1) о свадьбе, на которой она присутствовала. В начале рассказа употребляются формы NFUT *-rV-/tV-/...*, которые обычно используются для рассказа о единичных событиях в прошлом или настоящем. Также в рассказе, хотя и редко, используются формы PST, РТСР.АНТ. Однако большинство глаголов стоят в форме РТСР.НАВ, поскольку

рассказчик представляет все происходившее на свадьбе как повторяющийся ритуал.

В целом можно сказать, что *PTCP.ANT* в основном сохраняет отнесенность к прошлому, а *PTCP.NAV* — имперфективное значение. Таким образом, эти формы сохраняют часть своего исходного грамматического значения.

В работе [Рудницкая 2016] рассматривается встречаемость в корпусе устных рассказов аспектуальных аффиксов со значением количественности и значения, которые они имеют в рассказах. Если сравнивать аспектуальные аффиксы с причастными формами в независимом предложении, у аспектуальных аффиксов удалось фиксировать меньше изменений: из шести рассмотренных аффиксов пять встречаются достаточно регулярно (в разных селах и у разных групп носителей). Значения этих аффиксов в рассказах в целом довольно стабильны и во многом подтверждают данные грамматик [Константинова 1964; Nedjalkov 1997]. Можно сделать предварительный вывод, что словообразовательные морфологические единицы, которыми являются эвенкийские аспектуальные аффиксы, в меньшей степени подвержены изменениям и семантическому выветриванию, чем словоизменительные категории.

3. Употребление фокусных и эмфатических частиц

Есть много работ, в которых ставится проблема порядка слов и его вариативности в языках типа SVO/SOV [Vilkuna 1998; Testelec 1998; Holmberg 2000; Ljutikova, Zimmerling 2015], и к таким языкам относится эвенкийский [Grenoble 2000]. Независимо от формальных средств описания, все исследователи признают, что каким бы ни был базовый порядок слов в данном отдельно взятом языке (VO или OV), он подвергается изменениям под воздействием факторов актуального членения⁷.

⁷ Ср. гипотезу Split-CP [Rizzi 1997].

Кроме того, порядок слов — параметр синтаксиса, который легко меняется под воздействием контактов с другими языками⁸.

В данном пункте мы рассмотрим закономерности употребления фокусных и эмфатических частиц. Подобные частицы функционально сходны с русскими эмфатическими частицами типа *же, ведь, -то* или со словами типа *только, даже* (ср. *only, even*), предполагающими выделение объекта из ассоциируемого множества⁹. Эти частицы напрямую связаны с информационной структурой предложения. Краткое описание этих частиц содержится в работах [Константинова 1964: 251–266; Nedjalkov 1997: 285–291¹⁰].

Для примера приведем список частиц, функция которых связана с выделением, по грамматике И.В. Неद्याлкова: $=\eta nV$, $=wVlin$ ‘exactly, namely’, $=kV:n/=kV:nVn$ ‘and now, first’, $=\eta an$ ‘surprise’, $=mVk$, $=kVr/=pVr/=vVr$, $=kV$, $=d\bar{V}$, $=sV$ (по [Константинова 1964: 253], также $=nV$) ‘exactly, just’, $=tV$ ‘categorical [категорический] statement or command’ (это не алломорф $=d\bar{V}$ после глухой согласной), $=kun$ ‘surely, of course’ (по [Константинова 1964: 256], употребляется с наречиями для их интенсификации), $=nun$ ‘exactly, only’ (нет в [Константинова 1964]), $=mat$ ‘if only’. К сожалению, функции частиц указаны в обеих грамматиках не всегда точно, и их сочетаемость с именными или глагольными категориями часто не

⁸ Ср. [Рудницкая 2015a; Rudnitskaya 2016]; аналогичное мнение об удмуртском языке (Erica Asztalos, личное сообщение, а также [Kiss, Asztalos 2016]).

⁹ Последние связаны с узким (narrow), или контрастивным, фокусом (*Иван купил только* [_{NF} *книгу*]), с некоторыми оговорками противопоставленным широкому фокусу или реме в нейтральном предложении: *Иван вчера вечером* [_p *пришел домой, закрыл окно, поужинал и лег спать*].

¹⁰ В работе [Василевич 1940: 149–150] зафиксирован список фокусных частиц, характерный для более раннего среза грамматики эвенкийского языка.

упоминается. Например, частицы $=d\bar{V}$, $=kV$, $=sV$ описываются как эмфатическое или фокусное (узкий, или контрастивный, фокус) выделение отдельного слова или составляющей — ср. переводы ‘namely, exactly, only’. Многие из перечисленных частиц кажутся, исходя из такого описания, синонимичными. Кроме того, в грамматиках [Константинова 1964] и [Nedjal-kov 1997] список фокусных частиц и функции, которые им приписывается, не полностью совпадают. Поэтому мы будем ориентироваться на устные рассказы с минимальным обращением к данным этих грамматик.

Очень употребительны частицы $=d\bar{V}$ и $=kV$, они могут сопровождать и имена, и глаголы (и также модификаторы), которые по тем или иным дискурсивным параметрам выделяются (эмфатическое выделение, топик/тема и т.д.).

Важно заметить, что основная функция $=d\bar{V}$ — маркирование соединительной связи между именами (*ahal=da bajə-l=do* ‘женщина.PL=FOC мужчина.PL=FOC’ «(и) женщины, и мужчины» — 2007, Чиринда (СН), Елдогир Валентина (1954 г.р.), LR1, 00:16:53.650) или предложениями (*tumñi-rə-n=dā huru-rə-n* ‘плюнуть-NFUT-3SG=FOC пойти-NFUT-3SG’ «[черт] плюнул [на лица людям] и пошел», 2007, Чиринда (СН), Елдогир Валентина (1954 г.р.), FM1, предложение 61), см. [Рудницкая 2015б]. Кроме того, $=d\bar{V}$ маркирует слова отрицательной полярности, сокращенно NP1 (*ēkun=da ašin* ‘что=FOC NEG_{EX}’ «**ничего** нет», 2011, Хантайское Озеро (СН), Чемпогир Антонина (1934 г.р.), LB1, 00:01:01.431). В этих функциях $=d\bar{V}$ встречается почти у всех рассказчиков. Эти функции не связаны с дискурсивным выделением. Согласно работе [Forker 2016: 71, 87], $=d\bar{V}$ по основным функциям — типологически довольно часто встречающаяся «аддитивная» частица (частица, у которой есть несколько типичных для нее функций: она может функционировать как скалярная, соединительная, кванторная, фокусная и др.). В рассказах часто встречается маркирование частицей $=d\bar{V}$ кванторной группы, независимо от того, фокусируется эта группа или нет.

- (3) *tundra-lō* *ŋənə -sō-wun* *ōkī-rā*
 тундра-LOCALL идти-PST-1PL(EXCL) сколько-ADVZ.QT
ōkī-rā=dā
 сколько-ADVZ.QT=FOC

(Перечисление занятий в палаточном лагере в тундре) ‘В тундру ходили несколько раз’ (2011, Хантайское Озеро (СН), Чемпогир Антонина (1934 г.р.), LR, 00:00:52.000) [Тут рема ‘ходили в тундру’, а не ‘несколько раз’]

Интересно, что одни рассказчики употребляют $=kV$ как приименную частицу, а $=d\bar{V}$ — как глагольную, см. (4а-д), (9а), (10а), а другие — наоборот (1а), (5а-б), (7г). Однако материал не дает возможность установить однозначную корреляцию между этими моделями, с одной стороны, и СН vs. ЮН, с другой. Нельзя даже утверждать, что все рассказчики из одного села употребляют одну и ту же модель. Один и тот же рассказчик может использовать то $=d\bar{V}$, то $=kV$ в одном синтаксическом контексте: при имени (6а-б)¹¹ или при глаголе — фокусе вопроса в общем вопросе: ср. (10а) (*bi-sā-tin=kā* ‘быть-PST-3PL=FOC’) и (11в) (*bi-čə-n=dā* ‘быть-PST-3SG=FOC’), см. подробнее ниже.

- (4) а. *bi=kā* *on* *nuŋar-dū-tin*
 я=FOC как 3PL-DATLOC-3PL
tura-t-čə-m [N=FOC] *əwə-di-t*
 разговаривать-DUR-FUTCNT-1SG эвенк-ATR-ADVZ
horoki-l
 глухарь-PL

¹¹ В (6а-б) употребление $=d\bar{V}$ и $=kV$ при имени не свидетельствует о том, что рассказчик не различает эти две частицы. Из переводов (6а) и (6б) видно, что $=d\bar{V}$ в (6а) используется как аддитивная частица (до этого говорится о других имевшихся видах рыбы: ‘... чирь **тоже** были’), а $=kA$ в (6б) — просто как выделительная частица (‘ты **же**...’). Аддитивный характер частицы $=d\bar{V}$ прослеживается во многих приименных употреблениях, например, в (5а) (‘... **даже** я...’).

‘Я-то как им скажу по-эвенкийски — глухари’ [то есть не понимают] (2008, Тутончаны (СН), Хукочар Даниил (1955 г.р.), LR, 00:03:16.056)

б. *mənmaktə-l irgəktə-l oro-r-wo=kə*
 комар-PL паут-PL олень-PL-ACC=FOC
kik-ča-fkī-l [N=FOC]
 укусить-IPFV-PTCP.NAV-PL

‘Комары, пауты оленей-то кусают’ (2008, Кислокан (СН), Удыгир Валентина (1947 г.р.), LR1, 00:01:48.259)

в. *mōni-n mōni-n tar bəjə* [V=FOC]
 RFL-PS.3SG RFL-PS.3SG тот мужчина
ə-čə=dō *gugda həgdi bi-rə*
 NEG_v-PTCP.ANT=FOC высокий большой быть-PTCP.NEG

‘Сам, сам тот человек не был высоким, большим’ (2008, Тура (СН), Лапуко Геннадий (1938 г.р.), LR3, 00:06:45.631)

г. *to aja aja-mama-t dolsāt-ča=dā* [v=FOC]
 то хороший хороший-INTS-ADVZ слушать-PTCP.ANT=FOC

‘Хорошенько прислушалась: ...’ (2011, Хантайское Озеро (СН), Турская Зинаида (1951 г.р.), FB2, 00:02:34.987)

(5) а. ...*amin-mun tam bi=dā həgdi*
 отец-PS.1PL(EXCL) там 1SG=FOC большой
o-kanəm [N=FOC] *huru-ŋkī-wun*
 статья-CVB.ANT пойти-POSTITER-1PL(EXCL)
bira-ja-lā...
 река-ATTEN-LOCALL...

‘...наш отец и **даже** я, став большой, ходили на речку...’ (2008, Тутончаны (СН), Увачан Инна (1969 г.р.), LA, 00:07:51.053)

б. *ŋā= ŋālə-wsi=kə*
 испугать.SLIP испугать-ATR.QUAL=FOC

*babajkə-l=nən*¹² [ADJ=FOC]

медведь-PL=FOC

(Девочка, заблудившись, одна идет по лесу вечером, она несет большую палку, и ей кажется, что она заметила какого-то большого зверя. Она говорит:) ‘– Страшные медведи-то’ (2005, Полигус (ЮН), Хадончина Надежда (1936 г.р.), LR1, 00:04:25.914)

(6) а. *muŋūri-l=da bi-fkī-l* [N=FOC]

чир-PL=FOC быть-PTCP.НАВ-PL

‘Чиры [вид рыбы] тоже бывают’ (2007, Чиринда (СН), Елдогир Валентина (1954 г.р.), LR1, 00:15:30.350)

б. *hi =kə əŋəhī-ši bi-hi-ndə* [N=FOC]

2SG=FOC сила-ATR быть- NFUT-2SG

‘Ты же сильный’ (2007, Чиринда (СН), Елдогир Валентина, FM10, предложение 28)

В целом, *=kV* чаще употребляется с именами в рассказах более пожилых рассказчиков и в селах СН: Эконда, Чиринда, Тутончаны, Кислокан, Тура и др. Частица *=dV* употребляется с именами у более молодых рассказчиков

¹² В данном примере инвертированный порядок слов (предикат — субъект) используется из-за эмфатического контекста в связи с фокусированием *ŋələ-wsi* ‘страшный’. Предикативное причастие или прилагательное часто употребляются в эвенкийском без связки *bi-*, особенно в настоящем времени, хотя запрета на ее употребление нет. Связка употребляется в основном при эмфазе или фокусировании сказуемого. (5б) — единственный найденный в нашем корпусе пример употребления *=nən* как алломорфа *=nun* ‘exactly, only’ (по И.В. Недеялкову). В рассказах Надежды Хадончиной (школьная учительница, 1936 г.р.) эвенкийский язык достаточно богат и мало затронут изменениями и языковыми контактами.

и, как кажется, $=d\bar{V}$ более характерно для ЮН¹³. Некоторые рассказчики — Лапушкина Марина (Тутончаны, СН), Сайготин Владимир (Большое Советское Озеро, СН), Сайготина Вера (Совречка, СН) — вообще не употребляют показателей фокуса¹⁴.

Частица $=tV$ также очень широко употребляется. Это не алломорф $=d\bar{V}$. Частица $=tV$ употребляется шире, чем указано в приведенном выше определении И.В. Неद्याлкова и (сходном) в работе [Константинова 1964: 256] (категоричность суждения или просьбы, приказа) — а именно просто для фокусирования (7б) или даже при маркировке эмфатически выделяемого топика/темы (7а), (7в); в первую очередь с глаголами (7б) и разными видами модификаторов (7а), (7в), хотя часто и с именами (7в-г).

- (7) а. *ili-dū-tin=tə* *ətə-d'a-m*
 третий-DATLOC-PS.3PL=FOC прийти-FUTCNT-1SG
abet [ADV=FOC]
 обед

(Сказал: На другой день не приду.) ‘На следующий [букв. ‘третий’] день приду в обед’ (2007, Стрелка (ЮН), Андреев Василий (1945 г.р.), LR1, 00:03:55.887)

- б. *hiŋt-p̄c̄u* *bi-ŋkī-tin=tə* [V=FOC]
 жалкий-ATR быть-PSITER-3PL=FOC
 ‘Жалко же было’ (2008, Тура (СН), Лапуко Геннадий (1938 г.р.), LR3, 00:09:14.500)

¹³ Тут не хватает данных, поскольку носители ЮН употребляют фокусные частицы в целом реже, и текстов ЮН в корпусе значительно меньше, чем СН. Частица $=kV$ не употреблялась в начале XX в., по крайней мере в ЛЯ, близком к ЮН. В грамматике [Василевич 1940] частица $=kV$ не упоминается.

¹⁴ Дмитриев Андрей (2007, Муторай, ЮН, 1965 г.р.) для фокусирования употребляет только слово *jolki*, заимствованное из русского.

в. *dilgan=ta* *amī-ŋī-w* [N=FOC]

голос=FOC отец-PROPR-PS.1SG

(Потом услышала крики... [00:02:23.666]... Хорошенько при-слушалась:) ‘Голос-то моего отца’ (2011, Хантайское Озеро (СН), Турская Зинаида (1951 г.р.), FB2, 00:02:37.839)

г. *taduk=kə* *tuk* *aji-li-fkī-l*

потом=FOC так это-INCH-PTCP.HAB-PL

təwu-fkī-l [N-FOC] *hələ-dū* *pulki-jə=tə*

нагрузить-PTCP.HAB-PL ружье-DATLOC пуля-PRTV=FOC

(Рассказ о стрельбе пулями и подготовке к выстрелу) ‘Потом-то это самое делают, кладут в ружье пулю’ (2005, Эконда (СН), Комбагир Анна (1917 г.р.), LR1_2, 00:36:36.851)

Данные примеры показывают, что =*tV* употребляется не только для эмфатического выделения (7б)¹⁵, но и для маркировки темы/ топики (*ili-dū-tin* ‘третий-DATLOC-PS.3PL’ в (7а), *taduk* ‘потом’ в (7г)) или восстановленной темы текста в (7в-г): ранее упоминаемый в тексте объект в (7в) — *dilgan* ‘голос (отца)’, в (7г) — *pulki* ‘пуля’. Примеры (7а-г) и другие примеры ниже показывают, что для рассказчиков характерно использовать фокусные частицы (не только =*tV*) как для эмфазы или выделения узкого (*paŋrow*) фокуса (ср. английские переводы И.В. Недялкова ‘exactly, just, only’ выше и примеры (4а-г) и (5а-б)), так и просто для маркировки темы (ср. (7а), (7г), (8а)), реже ремы (8б), или конечных обособленных членов предложения (8в)¹⁶.

¹⁵ В (7в) фокусная частица присоединяется не к слову ‘жалкий’ (предикативное прилагательное), которое выделяется, а к подчиняющему его служебному глаголу *bi-ŋkī-tin* ‘было’. Данное употребление частицы =*tV* можно считать конструкцией, аналогичной групповой флексии (групповой флексии в эвенкийском нет).

¹⁶ Обособленные члены или просто члены, вынесенные в конец предложения, часто несут уточняющую функцию и

- (8) а. *turu-dū=da* *alba-sā-n*
 Тура-DATLOC=FOC не.мочь-PST-3SG
aji-si-fkañ-d'ə-mī [ТОР]
 вылечить-DUR-CAUS-IPFV-CVB.COND

([об отце] Потом вот недавно, когда постарел, перестал видеть.)
 ‘В Туре не смог вылечиться’ (2007, Чиринда (СН), Елдогир
 Валентина (1954 г.р.), LR1, 00:13:09.450)

- б. *ənī-ŋəhə* *hawal-kirə* *bi-s'ō-n*
 мать-DEADREL работать-ATR.QUAL быть-PST-3SG
ahī *o-lon=da* [FOC]
 женщина сделать-NMLZ.AG=FOC

‘Мать покойная работающая была женщина и мастерица’ (Начало нового этапа в повествовании: далее рассказ о том, как мама хорошо шила и учила шить Валентину) (2008, Кислокан (СН), Удыгир Валентина (1962 г.р.), LR1, 00:03:29.980)

- в. а *to hu-wər* *ribaki-l* *bi-čə-l*
 а *to* 2PL-RFL.PL рыбак-PL быть-PTCP.ANT-PL
ər *amī-ŋaha-s=tə* [SPEC_FOC]
 этот отец-DEADREL-PS.2SG=FOC

‘А то вы были рыбаки, этот, отец твой покойный’ (2011, Хантайское Озеро (СН), Еремина Любовь (1940 г.р.), LR, 00:08:15.997)

Данный материал показывает, что сфера использования в рассказах фокусных частиц очень неопределенная и размытая. Функции этих частиц не ограничиваются эмфатическим выделением и маркирования узкого фокуса; эти частицы используются для выделения темы и темы текста, ремы предложения. Фокусные частицы также часто маркируют вопросительное слово в частном

анализируются как идентифицирующий фокус (specificational focus). См. [Göksel 2013; Ko 2015; Rudnitskaya 2016].

вопросе¹⁷ (9а-в) и начальную фокусированную составляющую (9г)¹⁸:

(9) а. *anti=kə* *əwī-wun* *bi-ŋkī-n*
 какой=FOC играть-NMLZ.INST быть-PSTITER-3SG

(Анна рассказывает про то, как она и ее сверстники играли, когда были детьми) ‘Какие игры были?’ (2005, Эконда (СН), Комбагир Анна, LR1_2, 00:34:52.680. (9а) это вопрос Изольды (1969 г.р.) — собеседника Анны: поскольку Анна почти не знает русского языка, Изольда переводит вопросы лингвиста)

б. *ilə=kə* *huru-d'ə-rə-Ø*
 куда=FOC пойти-IPFV-FUTCNT-3PL
hāld'a-kanəmi-l
 стыдиться-CVB.NSIM- PL

(Рассказывается, как россомаха хотела обмануть других птиц и на зиму улететь со своей семьей в теплые страны, оставив остальных замерзать, и как птицы раскрыли ее обман,

¹⁷ Частный вопрос, в соответствии с существующими описаниями [Nedjalkov 1997: 8–10], строится путем постановки вопросительного слова в начало предложения — это средство его фокусирования, см. сноску 18. В общем или альтернативном вопросе факультативно используется частица =*gu*/=*ku*/=*ŋu*/=*wu* — см., например, [Nedjalkov 1997: 12]. Однако вопросительные частицы крайне редко встречаются в рассказах (в частности, у Комбагир Анны, ср. (9в) и (10б), (11в)).

¹⁸ Помещение исходно неначальной составляющей в начало предложения (топикализация [Nedjalkov 1997: 129–130]) уже служит признаком ее эмфатического или фокусного выделения, ср. (5б), (9д). И, возможно, также ее тематического статуса (Е.Р., ср. (7а), (8а)). То есть в (9г) и также в частных вопросах (9а-в), см. сноску 17, представлено двойное маркирование фокусирования — начальная позиция и фокусный показатель.

опозорили ее и улетели в теплые страны сами) ‘Куда пойдут, опозорившись?’ (2007, Чиринда (СН), Елдогир Валентина (1954 г.р.), FM10, предложение 91)

в. *nī-duk=ka nuṇa-r-duk-tin=gu haṇṭkta-d'aṇā-n*
 кто-ABL=FOC 3SG-PL-ABL-PS.3PL=INTER спросить-FUT-3SG
 (Собеседник интересуется, почему из Эконды увозили шаманов, и они не возвращались) ‘У кого, у них **ли** спросит?’ (2005, Эконда (СН), Комбагир Анна (1917 г.р.), LR1_2, 00:31:19.340)

г. *d'ont'a-d'a-Ø-m=wəhin¹⁹ nuṇan-mə-n*
 помнить-IPFV-NFUT-1SG=FOC 3SG-ACC-PS.3SG
 (Валентина упоминает про свою тетю, Ирину Васильевну, которая давно умерла, и в дальнейшем рассказывает о ней) ‘Помню я ее’ (2007, Чиринда (СН), Елдогир Валентина (1954 г.р.), LR1, 00:17:22.109)

д. *ərtikī-kon huru-sā-wun muruktə-gidā-tkī*
 сюда-ATTEN пойти-PS.T-1PL(EXCL) Мурукта-SIDE-ALL
 [zapat-tikī ə wastok-tikī=kun] [ADV _INTENS]
 запад-ALL нет восток-ALL=FOC
 ‘В эту сторону ездили, в сторону Мурукты, на запад, нет, на восток’ (2007, Чиринда (СН), Елдогир Валентина (1954 г.р.), LR2, 00:07:11.810)

Если в примере (9а) представлен обычный частный вопрос, то в (9б) вопрос скорее риторический, и поэтому эмфатическое выделение *ilā* ‘куда’ в (9б), но не *anti* ‘какой’ в (9а) оправдано: *anti* ‘какой’ это просто вопросительное слово

¹⁹ Частица =*wəhin* (хочется считать ее диалектным вариантом =*wlin* ‘namely, exactly’ в списке И.В. Недялкова или вариантом фокусно-пейоративной частицы =*wʹsi* [Константинова 1964: 258]) встречается в корпусе рассказов довольно редко.

частного вопроса. В (9в) рассказчик эмфатически выделяет *ñi-duk* ‘у кого’, из-за отсутствия адресатов вопроса, а к фокусу общего вопроса *niŋa-r-duk-tin* ‘у них’ присоединяется частица общего вопроса =*gi*, примерный эквивалент русского *ли*²⁰. В (9д) эмфатически выделяется не только последняя часть предложения, в которой происходит коррекция (*zapat-tikī ð wastok-tikī=kun* ‘на запад, нет, на восток’, [ADV _INTENS]), но и начальное обстоятельство *artikī-kon* ‘сюда-ATTEN’, поскольку в фокусе внимание рассказчицы направление ее поездок. Однако фокусная частица к *artikī-kon* не присоединяется: начальная позиция в предложении уже является средством фокусирования, см. сноску 18.

У фокусных частиц есть еще одно употребление: они часто присоединяются к исконно эвенкийским словам, которые могут выражать хезитацию, ср. *aŋ=kə* ‘это=ФОС’ в (10а) (наряду с заимствованиями из русского типа *atə* ‘это’). В таких контекстах функцию частицы трудно назвать фокусной, однако нельзя также говорить, что частица выражает именно значение хезитации — для таких выводов у нас недостаточно материала. Так, если =*kV* маркирует слово *ə-čā-wun* ‘это самое сделали’ в (10б)²¹, то в (7г) фокусная частица не присоединяется к аналогично образованной форме, выражающей хезитацию (*aŋi-li-fkī-l* ‘это-INCH-PTCP.НАВ-PL’ «это самое делают»).

- (10) а. *aŋ=kə* *šamani-l=kə* *babuška* *bi-sā-tin=kə*
 это =ФОС шаман-PL=ФОС бабушка быть-PST-3PL=ФОС

²⁰ Ср. (1а-б), где обстоятельства *tajga-dū* ‘в тайге’ и *hərəkə-dū d’u-dū* ‘в другом чуме’, которые являются фокусом общего вопроса, не выделяются вопросительной частицей.

²¹ В этом примере смысл «это самое (сделали)» выражается глаголом, образованным без деривационного показателя вербализации (VBLZ) от местоимения: *ə-čā-wun* ‘что-PST-1PL(EXCL)’, ср. (7г). Подобные образования характерны для алтайских и уральских языков.

‘Это самое, шаманы, бабушка, были?’ (2007, Эконда (СН), Комбагир Анна, LR1_2, 00:26:08.127 — реплика Изольды (1969 г.р.))

б. *nu tala a-čā-wun=kə* *aj-čā-wun...*

ну там **что-PST-1PL(EXCL)=FOC** добыть-PST-1PL(EXCL)

‘Ну, там это сделали, добыли’ (, ну и все) [о «шатуне» — медведе, на которого охотились] (2009, Сым (ЮН), Боярин Георгий (1959 г.р.), L-R 4, 00:04:25.480)

Еще один пример: *tādū ar=kə urkə-lō... urkə-li...* ‘там **эТОТ=FOC** дверь-LOCAL... дверь-PROL’ «там **это** к дверям... **вдоль** дверей» [рассказ о свадьбе, полный перевод: ‘Приехали, чтобы там они были, к заходу [входу], **вдоль** дверей по бокам девушки стоят’] (2008, Тутончаны (СН), Панкагир Прасковья (1931 г.р.), LR1, 00:03:58.150).

Как показывают уже приведенные примеры, характерный признак рассказов — то, что в них встречаются далеко не все из частиц, перечисленных выше или упомянутых в работах [Василевич 1940; Константинова 1964; Nedjalkov 1997]. Так, частицы *=ηnV*, ‘exactly, namely’, *=kV:n/=kV:nVn* ‘and now, first’, *=ηan* ‘surprise’, *=mVk*, *=kVr/=pVr/=vVr* ‘exactly, just’ по [Nedjalkov 1997] вообще не найдены в корпусе. Частица *=kun/=kūn* ‘surely, of course’ в значении подтверждения (11a)²²

²² В данном примере словоформа *=kūn* (*əmə-ktə=kūn* ‘прити-DSPRS=FOC’) употреблена без показателя времени и наклонения. Аналогичные примеры есть в грамматике [Nedjalkov 1997: 14–15] при ответе на общий вопрос. Другие частицы не могут употребляться в морфологически неполной словоформе. За рамками нашей статьи остается вопрос, можно ли считать *=kūn* показателем эпистемического наклонения «ассертив» (уверенность в истинности пропозиции), одного из группы наклонений, противопоставленных изъявительному [Плунгян 2010: 317]. Ср. другие эпистемические наклонения, такие как пробабилитив или дубитив, распространенные в самодийских и тюркских языках.

встречается только у одной рассказчицы — Комбагир Анны. Другие рассказчики «по умолчанию» используют в контексте подтверждения частицу $=d\bar{V}$, (11б). В общем вопросе в (11в) и (10а) для маркировки глагольного фокуса вместо вопросительной частицы $=gu/\dots$ используются $=d\bar{V}$ и $=kV$.

(11) а. \bar{e} *ətə-ktə=kūn* [ASSERT]

да прийти-DSPRS=FOC

(при ответе на вопрос) ‘Да, приезжали’ (2005, Эконда, Комбагир Анна (1917 г.р.), LR1_2, 00:21:15.340)

б. *təwə-rə-n=da* [ASSERT]

сесть-NFUT-3SG=FOC

(во время охоты, про орленка (дичь), который сел на сосну) ‘Сидит’ (2009, Сым, Боярин Георгий (1959 г.р.), L-R 3, 00:00:47.260)

в. *burkočə tadū bi-čə-n=də?*

буркоче там быть-PST-3SG=FOC

‘Буркоче там был?’ (2009, Сым (ЮН), Боярин Валерий — Боярин Георгий, LD1, реплика Боярина Георгия (1959 г.р.), 00:09:05.000)

Согласно [Константинова 1964: 256], $=kun$ (а не $=kūn$ ²³) употребляется с наречиями направления для их

²³ Само по себе различие в долготе гласного [u] vs. [u:] на эвенкийском материале — не доказательство того, что $=kun$ и $=kūn$ — разные морфемы. Фиксация рассказов (в основном Е.Л. Клячко) проводилась с ориентацией на фонетическое звучание, а не фонологическую запись. Как результат, фиксируется, что многие морфемы произносятся то с долгим, то с кратким гласным, ср. PST $-s'ō-$ в (8б) и $-s'o-$ в (2а). Некоторые исследователи (И.В. Недялков ([Nedjalkov 1997]), Л.А. Гренобль (личное сообщение)) считают, что долгота в эвенкийском языке относится к фонетическому, а не фонематическому уровню.

интенсификации — такие примеры встречаются только у Елдогир Валентины (Чиринда, 1954 г.р.), ср. пример (9д) (*wastok-tikī=kun* ‘на восток’). Частица *=nun* ‘exactly, only’ встречается только у Хадончиной Надежды (Полигус (ЮН), 1936 г.р.) в форме *=nən* — см. пример (4б) и сноску 14. Частица *=mat* ‘if only’ не встретила в корпусе рассказов; встретила один раз отгоссированная как *=foc* частица *=kat*, по функциональным критериям (усиление просьбы, приказа, команды и т.п.), как кажется, вариант *=kV*.

В целом, фокусные частицы употребляются более пожилыми и лучше знающими эвенкийский язык рассказчиками реже, чем теми, кто в основном говорит по-русски и помнит эвенкийский язык не очень хорошо. Рассказчики из второй группы, если они вообще употребляют фокусные частицы, употребляют одни и те же частицы с более широким спектром функций, в большем числе контекстов и статистически чаще. Кроме того, число фокусных частиц в речи этих рассказчиков имеет тенденцию к сокращению, предельным случаем которого является использование *=dV̄* во всех контекстах — эмфатического или контрастного выделения, фокусирования и других. Если учитывать еще соединительную функцию *=dV̄* и маркирование этой частицей слов отрицательной полярности и кванторных выражений, у *=dV̄* есть тенденция к тому, чтобы стать «дефолтной» многофункциональной (аддитивной) частицей.

4. Выводы

На основании анализа корпуса рассказов намечаются следующие тенденции в использовании фокусных частиц. Как и в отношении причастных показателей, можно говорить об размытости функций частиц. Мы видим уменьшение количества активно употребляемых в речи

частиц и расширение сферы их использования²⁴. В отношении причастных форм можно говорить не только о расширении сферы использования, но и об упрощении их значения: данные формы не обязательно выражают таксисные/хабитуальные значения. К сожалению, не приведено сравнение с письменными текстами или устными рассказами начала XX в., а только с данными грамматик. Поэтому нельзя сделать более радикальные выводы (например, об изменении сферы употребления или функций фокусных частиц в сравнении с устным языком на более ранней стадии или с письменными текстами).

В своих работах [Nedjalkov 1994: 30–31; Grenoble 2000; 2012] стараются выявить влияние русского языка на эвенкийский язык, которое отражается на лексико-грамматических характеристиках последнего. Л.А. Гренобль упоминает, в частности, свободный порядок слов²⁵, именное союзное сочинение, союзные сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, в которых обе части финитные, и относительные

²⁴ В то же время сравнение с языками Кавказа (типологически неродственными алтайским) показывает, что фокусные показатели могут маркировать широкий (неконтрастивный) фокус — см. [Казенин 1999: 592] (если не считать (по всей видимости) аддитивной частицы $=\langle i/u \rangle d$ в цахурском языке [Кибрик А.Е. 1999: 608–619]).

²⁵ В отношении порядка слов Л.А. Гренобль права. Судя по работам [Василевич 1940: 142–146; 1948; 1966] (в последних двух опубликовано некоторое количество рассказов), порядок OV соблюдался практически полностью последовательно в устном языке начала XX в., в отличие от конца XX — начала XXI в., когда эвенкийский стал языком SOV/SVO. Отклонения от SOV в начале XX в. были возможны в основном в эмфатических контекстах. В устных рассказах середины XX в. [Лебедева 1952] порядок OV соблюдался менее строго: прямое дополнение обычно стоит перед глаголом, а косвенное дополнение — после глагола.

финитные предложения с вопросительными местоимениями в функции относительных. Л.А. Гренобль также называет другие языки Сибири — тюркские, монгольские, нивхский и юкагирский — которые подвержены сходным изменениям под влиянием русского.

Результаты работы с корпусом устных рассказов показывают, что лексические заимствования широко проникли в устную речь, вплоть до переключения кодов [Казакевич 2007], в то время как конкретные синтаксические конструкции далеко не всегда заимствуются из русского. Так, в устных рассказах редко используются сочинительные конструкции с *i* и *ili* как русскими заимствованиями и финитные придаточные предложения (с союзами или с вопросительными словами в функции относительных местоимений). Хотя заимствование подчинительных союзов, например *čtoby*, часто встречается, вершиной придаточного предложения в то же время является форма конверба (конверб на *-dV-* ‘CVB.PURP’), так что сам союз не выражает подчинительной связи, а дублирует ее, не вписываясь в синтаксическую структуру эвенкийского предложения.

Основные характеристики устных текстов — редукция числа употребляемых грамматических показателей, выражающих более редкие или частные грамматические значения, а также достаточно большая степень размытости функций и широкая сфера употребления остальных показателей — не свидетельствуют о каких-то прямых заимствованиях инструментов маркирования фокуса или других элементов коммуникативной структуры из русского языка. Однако указанные выше особенности употребления фокусных частиц можно связать с недостаточным использованием рассказчиками грамматических средств эвенкийского языка и потерей ими определенных языковых компетенций, связанных с употреблением этих частиц.

Итак, работа с корпусом современных устных текстов позволяет проследить особенности употребления грамматических

показателей и их грамматические функции в устном языке по сравнению с до некоторой степени стандартизованным вариантом языка, представленным в грамматиках. Проводились исследования по сравнению грамматических особенностей устного и письменного текста русского, английского (см. работы [Chafe 1982; Кибрик А.А. 2009]²⁶) или французского (Е.Э. Разлогова, личное сообщение) языков, а малые языки недостаточно изучены с данной точки зрения. Наш материал в общих чертах подтверждает результаты У. Чейфа, если брать только устный текст. Следуя У. Чейфу, в письменных текстах язык должен быть более сложным с точки зрения разнообразия грамматических средств, а дискурсивные частицы должны чаще употребляться в устном тексте. Будут ли результаты сопоставления устного и письменного (например, газетного) текста в эвенкийском языке аналогичным результатам, уже полученным для русского и английского, покажут будущие исследования.

Глоссы и сокращения

1, 2, 3	1, 2, 3 лицо
ABL	аблатив
ACC	аккузатив
ADJ	прилагательное

²⁶ У. Чейф сравнивает устные и письменные корпуса текстов. В письменном тексте реже встречаются частицы, парентетические слова и словосочетания с разным значением, коннекторы. Зато используется более широкий арсенал морфосинтаксических средств (пассивные конструкции, сложные предложные группы, относительные придаточные предложения). А.А. Кибрик сравнивает устные и письменные рассказы одних и тех же информантов и находит аналогичные, хотя и более частные различия. Например, в письменном тексте предложения длиннее, и в одном предложении больше предикативных единиц: текст одной и той же длины состоит из меньшего количества предложений в письменном варианте.

ADV	наречие//обстоятельственная группа
ADVZ	показатель адвербиализации (прилагательных)
AG	агенс
ANT	(причастие) предшествования
ASSERT	ассертив
ATTEN	аттенуатив
ATR	атрибутив
CAUS	каузатив
COND	условный (конверб)
CVB	конверб
DATLOC	датель-локатив
DEADREL	(название) умершего родственника
DUR	дуратив
EX	экзистенциальное (отрицание)
EXCL	эсклюзивное (множественное число)
FOC	фокус
FUT	будущее (время)
FUTCNT	будущее непосредственное (время)
HAB	хабитуалис или обычное//хабитуальное (причастие)
IMPER	императив
INCH	инхоатив
INST	инструменталис
INTENS	интенсификатор
INTER	вопросительное (наклонение)
IPFV	имперфектив
LOCALL	локатив-аллатив
LR	рассказ о жизни (это категория текстов)
NEG	отрицание
NF	узкий фокус
NFUT	небудущее (время)
NSIM	(конверб) одновременности
NPI	слово отрицательной полярности

OBJ	объект
PL	множественное число
PS	посессивный (аффикс)
PRED	предикативный
PROPR	отделяемая принадлежность
PRTV	партитив
PST	прошедшее время
PSTITER	прошедшее итеративное время
PTCP	причастие
PURP	(конверб) цели
QUAL	квалитатив
QT	квантификация
RFL	рефлексив
SG	единственное число
SLIP	оговорка
SPEC	идентифицирующий (фокус)
V	глагол
VBLZ	вербализатор
ЛЯ	литературный язык
P	рема
СН	северное наречие
ЮН	южное наречие.

Литература

Болдырев Б.В. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск, 2007.

Бродская Л.М. Сложноподчиненное предложение в эвенкийском языке. Новосибирск, 1988.

Василевич Г.М. Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Ленинград, 1940.

Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Ленинград, 1948.

Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. Москва, 1958.

Василевич Г.М. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. Москва-Ленинград, 1966.

Казакевич О.А. Кодовые переключения в селькупских, кетских и эвенкийских нарративах // Подвижники сибирской филологии: В.А. Аврорин, Е.И. Убрятова, В.М. Наделяев. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 27–29 сентября 2007 г.). Новосибирск, 2007. С. 116–119.

Казакевич О.А. Эвенкийско-кетская экспедиция 2009 г.: документация языков и диалектов, которые могут исчезнуть // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2010, № 3. С. 206–212.

Казенин К.И. Фокусная конструкция // Элементы цахурского языка в типологическом освещении. *А.Е. Кибрик, Я.Г. Тестелец* (ред.) Москва, 1999. С. 582–607.

Калинина Е.Ю. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. Москва, 2001.

Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009, № 2. С. 3–21.

Кибрик А.Е. Дискурсивная частица когерентности // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / *А.Е. Кибрик, Я.Г. Тестелец* (ред.) Москва, 1999. С. 608–619.

Колесникова В.Д. Синтаксис эвенкийского языка. Москва, 1966.

Константинова О.А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. Москва, 1964.

Лебедева Е.П. Тексты на эвенкийском языке, записанные в экспедиции 1952 г., из архива ИЛИ РАН. Ленинград, 1952. Рукопись.

Малые языки Сибири: наше культурное наследие; URL: <http://siberian-lang.srcr.msu.ru/> (02.08.2016)

Мамонтова Н.А. На каком языке говорят настоящие эвенки? Дискуссия вокруг кочевого детского сада // Этнографическое обозрение. 2013, № 2. С. 70–91.

Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск, 2004.

Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. 3-е изд. Москва, 2010.

Рудницкая Е.Л. Грамматические характеристики устных рассказов 2005–2011 гг. как свидетельство намечающихся тенденций изменения в разговорном эвенкийском языке // Сибирский филологический журнал. 2015, № 2. С. 153–163.

Рудницкая Е.Л. Аналитическая отрицательная глагольная конструкция в эвенкийском языке: попытка формального анализа в рамках генеративной грамматики // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2. *Е.А. Лютикова, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко* (ред.) Москва, 2015а. С. 303–323. URL: <http://mggu-sh.ru/sites/default/files/rudnitskaja.pdf>

Рудницкая Е.Л. Типологические особенности сочинения в эвенкийском языке // Труды ИЛИ РАН (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA). Труды Института лингвистических исследований РАН. *Н.Н. Казанский* (отв. ред.) Т. XI. Ч. 3. Языковое разнообразие в Российской Федерации. *Головки Е.В., Муслимов М.З. Оскольская С.А., Певнов А.М.* (ред.) Санкт-Петербург, 2015б. С. 478–492.

Рудницкая Е.Л. Количественные значения в глагольных конструкциях эвенкийского языка на материале устных рассказов 2005–2011 гг. // Урало-алтайские исследования. 2016, № 2 (21). С. 118–130.

Урманчиева А. Ю. Имперфективные формы эвенкийского глагола: аспектуальные значения и дискурсивные функции // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. *Н. Н. Казанский* (ред.) Т. VIII. Ч. 2. [Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. *В.А. Плунгян* (ред.)] Санкт-Петербург, 2012. С. 786–866.

Bulatova N., Grenoble L. Evenki. LWM 141. Munich, 1999.

Chafe W. Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature // Spoken and written language: Exploring orality and literacy. *D. Tannen* (ed.) Norwood, 1982. P. 35–54.

Forker D. Toward a typology for additive markers // *Lingua*. 2016, № 108. P. 69–100.

Göksel A. Flexible word order and structure of the clause // SOAS Studies in Linguistics. 2013, № 16: P. 2–25. URL: <https://www.soas.ac.uk/linguistics/research/workingpapers/volume-16/file88031.pdf> (15.08.16)

Grenoble L.A. The impact of Russian on Evenki // Languages in contact. *D. Gilbers, J.A. Nerbonne, J. Schaeken* (eds.) Amsterdam–Atlanta, 2000. P. 104–120.

Grenoble L.A. Areal typology and syntactic change // Вестник ТГПУ. 2012, № 1 (116). P. 101–105.

Holmberg A. Deriving OV order in Finnish // The derivation of VO and OV. *P. Svenonius* (ed.) Philadelphia–Amsterdam, 2000. P. 123–152.

Kiss K.É, Asztalos E. Discourse-motivated word-order variation in Udmurt. Paper presented at OLINKO–2016, June 9–11, 2016. Book of Abstracts. Olomouc, 2016. P. 51–52.

Ko H.-J. Two ways to the right: a hybrid approach to right-dislocation in Korean. *Language Research*. 2015 (51). P. 3–40. URL: [http://ling.snu.ac.kr/ko/publications/Papers/RDC_2015_%B0%ED%C8%F1%C1%A4\(3-40\)_%BE%EE%C7%D0%BF%AC%B1%B8%C3%D6%C1%BE.pdf](http://ling.snu.ac.kr/ko/publications/Papers/RDC_2015_%B0%ED%C8%F1%C1%A4(3-40)_%BE%EE%C7%D0%BF%AC%B1%B8%C3%D6%C1%BE.pdf) (15.08.16)

Lehmann Ch. Interlinear morphemic glossing // *Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung*. 2. Halbband. *G. Booij, Ch. Lehmann, J. Mugdan, S. Skopeteas* (eds.) Berlin, 2004. S. 1834–1857.

Lyutikova E., Zimmerling A.V. Verb second languages and clause structure // *Intelligent Linguistic Technologies. Series: Emerging Trends in Computer Science and Applied Computing*. Amsterdam, 2015.

Nedjalkov I. Evenki // Typological studies in negation. *P. Kahrel, R. van der Berg* (eds.) Philadelphia-Amsterdam, 1994. P. 1–34.

Nedjalkov I. Evenki. London, New-York, 1997.

Rizzi L. The fine structure of the left periphery // Elements of grammar. *L. Haegeman* (ed.) Dordrecht, 1997. P. 281–337.

Rudnitskaya E. The analysis of the Evenki Analytic negation. Poster presented at OLINKO-2016, June 9–11, 2016. Book of Abstracts. Olomouc, 2016. P. 129–130.

Testelec Ya. Word order variations in some SOV languages in Europe // Constituent order in the languages of Europe. *Siewierska A.* (ed.) Berlin, 1998. P. 649–680.

Vilkuna M. Word order in European Uralic // Constituent order in the languages of Europe. *A. Siewierska* (ed.) Berlin, 1998. P. 173–234.

Елена Леонидовна Рудницкая
Отдел языков народов Азии и Африки, Институт востоковедения РАН
Москва, Россия
Elena Leonidovna Rudnitskaya
Languages of the peoples of Asia and Africa Department,
Institute of Oriental Studies RAS
Moscow, Russia
erudnitskaya@gmail.com